

О языке «Вопрошания» Кирика Новгородца

Историк языка, приступающий к изучению древнерусского текста, почти никогда не имеет дела с авторским оригиналом. Обычно объектом исследования становится один или несколько списков текста, представляющих его разновременные варианты. Они имеют различную ценность для решения разных конкретных исследовательских задач. Особое значение разновременные списки имеют для изучения конкретного языкового процесса, так как они при тождестве содержания несут в себе факты, иллюстрирующие динамику этого процесса.

Разновременные списки отличаются один от другого обычно фонетическими и морфологическими фактами. Но эти факты отражают, так сказать, речевую сторону текста и относятся к языку переписчиков, а не самого автора. Авторский оригинальный текст (инвариант по отношению к разновременным спискам, вариантам) следует искать в тех языковых фактах, которые остаются более или менее постоянными во всех или в большинстве списков. Таковыми являются лексические, словообразовательные и синтаксические единицы и формы. Сюда же относятся и жанрово-стилистические особенности памятника, поскольку они зависят в первую очередь именно от постоянных языковых категорий текста и сами меньше подвержены изменениям.

Сказанное, конечно, не исключает участия фонетических и морфологических показаний в стилистической организации текста, которые обычно связаны с определенными стилистическими разрядами литературного языка. Применительно к древнерусскому письменному языку речь должна идти о разрядах, связанных со славяно-книжным и народно-разговорным его началами. Русский литературный язык, развивавшийся в глубоком и широком взаимодействии славяно-книжного и народно-разговорного начал, оказался языком с богатейшей стилистической системой, отразившейся в разнообразии жанров древнерусской письменности. В ней свое место занимает и «Вопрошание» Кирика Новгородца (ВК). Оно было создано в середине XII в., но дошло до нас в нескольких списках, наиболее ранний из которых помещен в Новгородской Кормчей 1282 г.

Наш анализ языка текста «Вопрошания» Кирика мы будем проводить на основании сопоставления этого раннего списка из собрания ГИМ. Син. № 132 (Л. 518–529) с тем, который помещен в Кормчей XVI в. из основного собрания БАН 21.5.4 (бывшая Плиг. №

14. Л. 274 об–285 об). Основное внимание при этом будет уделено жанрово-стилистическим особенностям памятника.

Для решения этой задачи, помимо чисто языковых показаний, необходимо учитывать и некоторые экстралингвистические данные, которые могли повлиять на язык памятника. Имеет значение тот факт, что «Вопрошание» – это оригинальное (непереводное) древнерусское произведение. В то же время его автор был церковным деятелем (диаконом и доместиком Антониева монастыря в Новгороде), и по содержанию его произведение связано с пастырским служением. Это, в свою очередь, определяет прагматику текста: «Вопрошание» Кирика имеет прямую практическую направленность как своего рода справочное пособие по регламентации определенных церковных обрядов. Все это а priori позволяет считать, что в языке памятника мы встретимся с тем, что выше определили как активное взаимодействие церковнославянских и восточнославянских языковых форм и категорий.

А.А. Гиппиус в статье, рассматривающей данный памятник в сопоставлении с «Русской Правдой» в аспекте языковой ситуации Древнего Новгорода, приводит мнение некоторых ученых о языковой ситуации на Руси «в виде единого лингво-функционального континуума, простирающегося между двумя полюсами – восточнославянскими диалектами и церковнославянским языком»¹. На приведенном основании можно определить место языка ВК в этом континууме. В.М. Живов называет такой язык «гибридным церковнославянским»². Со времен А.С. Пушкина этот язык называют славянорусским. К сожалению, этот термин не привился в научном обиходе, хотя он, на наш взгляд, более точно передает содержание понятия.

На этом языке написаны «Слова» выдающихся древнерусских писателей – Илариона Киевского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского. Он имеет, безусловно, славяно-книжную основу, но в значительной степени преобразован и сориентирован на общие языковые формы, более нейтральные, чем в текстах высокого слога.

Эта сориентированность на более нейтральные языковые формы обусловлена в ВК содержательной стороной текста и его прагматикой. Текст ВК соединяет рассуждения о церковных таинствах и бытовых реалиях. Такое содержание не может быть выдержано в одном стилевом ключе, поэтому в языке ВК соединяются формы, свойственные как церковно-книжному, так и деловому стилям. Мы

¹ Гиппиус А.А. «Русская Правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской Кормчей 1282 г. // Славяноведение. 1996. № 1. С. 49.

² Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1998. С. 54–55.

присоединяемся к мнению тех историков языка, которые относят такие тексты к церковно-деловым. Это тексты, содержащие правила проведения церковных служб, монашеского общежития, церковного законодательства; грамоты-послания деятелей церкви представителям светской власти и др.³ Сюда же относится и «Вопрошание» Кирика Новгородца, составляющее отдельный жанр в сфере церковно-деловых документов.

Кирик не был основателем этого жанра. В церковной литературе известны и другие произведения, написанные в виде вопросов и ответов. Они восходят к византийской традиции, которая, в свою очередь, развивает форму античного философского диалога. Сюда можно отнести различного рода толкования, построенные в форме вопросов и ответов, например, толковые палеи, кааф, катехизисы и др. Заслуга Кирика заключается в том, что он наполнил эту известную форму новым содержанием. И это было содержание не богословского характера, как в перечисленных книгах, а богослужебного и церковно-обиходного. Ученые, исследовавшие ВК, относят его к произведениям канонического права, а следовательно, включающим описание бытовых реалий. Все это, безусловно, отразилось в языке ВК.

А.А. Гиппиус в упомянутой статье подробно рассматривает соотношение в тексте ВК церковнославянизмов и общедревнерусских черт в морфологии и морфонологии памятника, обусловленное «различной рефлексацией в южно- и восточнославянских диалектах одних и тех же праславянских сочетаний»⁴. В древнерусском письменном языке эти рефлексии получают стилистическую маркированность. Соотношение разномаркированных форм в том или ином тексте является весьма показательным для жанрово-стилистической его характеристики.

Намереваясь провести сопоставление языка «Вопрошания» Кирика по двум спискам памятника (XIII и XVI вв.), мы должны учитывать, что списки эти разделяет не только хронология (около трех веков), но и разная языковая ситуация. Между этими списками стоит то, что в науке принято называть вторым южнославянским влиянием. Письменные памятники Руси конца XIII–XIV вв. отличаются высокой долей присутствия в них собственно русских элементов, это касается даже памятников богословского и богослужебного характера: в книжных текстах этого времени процент древнерусских языковых форм значительно выше, чем в тех же текстах предшествующего и последующего периодов.

³ Николаев Г.А. Язык церковно-деловых памятников древнерусского извода // Христианизация, дехристианизация и рехристианизация в теории и практике русского языка. Познань, 2001. С. 60.

⁴ Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 49.

Однако нельзя подходить к этому вопросу с упрощенных арифметических позиций. Памятники, написанные после XIV в., несут в своем языке результаты разных, иногда противоположных тенденций. С одной стороны, в них обнаруживаются факты, связанные со вторым южнославянским влиянием. С другой стороны, в них находили отражение в той или иной степени те процессы, которые протекали в живом языке этого времени. Кроме того, степень представленности в их языке церковнославянских и восточнославянских форм зависела от содержания текста, а также от языковых установок его автора или переписчика, то есть от тех экстралингвистических факторов, о которых говорилось выше.

Церковнославянский язык на Руси имел свои специфические особенности, но не имел основ для саморазвития, а развивался в связи с развитием древнерусского языка по его законам, по меньшей мере в фонетическом и морфологическом аспектах. И это можно видеть, сопоставляя списки ВК. Так, если в списке XIII в. сохраняются написания **гы, кы, хы (паки, владыки, дроугыи, скымы** – п. 1,2)⁵, в списке XVI в. превалируют формы с **ки, ги, хи (паки, дрѹгѣи, скимѹ** – п. 1,2 и др.).

Развитие сочетаний типа **tʁt* пошло по восточнославянскому «сценарию». В списке XIII в., как и в большинстве случаев в списке XVI в., мы имеем русские рефлексy: **въздѣржаниѣмь (1), исполнити (1), чернець (7), первѣе (10), зерно (23), верхѹ (38), молваше (38), стерпевѣ (68)** и др. Следы второго южнославянского влияния в списке XVI в.: **дрѣжа (1), дрѣзне(т) (30), дрѣжоѹ (47), оутръпѣвши(м) (71)** и другие единичные примеры.

Сопоставляя язык ВК XIII и XVI вв., мы убеждаемся, что большинство восточнославянизмов совпадает в этих списках⁶. Это касается, прежде всего, случаев такого яркого восточнославянского явления, как слова с первым полногласием. Они редко проникают в памятники славяно-книжного разряда. Но их много в языке ВК, и даже в списке XVI в., созданном в условиях второго южнославянского влияния. Вот примеры из этого списка: **нооѹгоро(д)ско(г)** – в заголовке, **молока (1), скорома (5), боронити (10), молока (10), Цригородѣ (10), борони (12), бороню (12), порозднѹ (12), голова (17),**

⁵ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеры приводятся по рукописи из фондов БАН, цифры в скобках указывают на пункт «Вопрошания» (по разбивке А.С. Павлова в издании памятника в: Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1880) в целях упрощения сравнения двух разновременных редакций; если пример относится к части вопрошания Саввы или Илии, приводится указание на лист рукописи из фондов БАН.

⁶ Эти списки идентичны даже в допущенных в тексте ошибках. Так, вместо слова **невѣжество (94)** в обоих списках ошибочно написано **неженство**. Можно предположить, что совпали их протографы. Не исключено, что текст ВК XVI в. списан с Новгородской Кормчей.

веред (17), **гороухъ** (38), **молодоу** (40), **пелена** (41), **вередити** (49), **хоронити** (53), **боронити** (67), **переста(л)** (68), **моло(д)** (77), **головныа ... та(т)бы** (83), **боронаше(т)** (87), **перемѣтати черес ты(н)** (88), **в городѣ се(м)** (90), **пере(д) тобою** (90), **възборонити** (101) – всего 25 словоупотреблений.

Неполногласные формы: **блг(с)ви** (1), **вл(д)кы** (1), **древлноу** (2), **пре(ж)** (3), **среда** (7), **странѣ** (12), **возбранно** (12), **чре(с)** (12), **властїи** (24), **плѣненїе** (24), **цриградѣ** (38), **на главахъ** (39), **оглашенныа** (40), **врага** (47), **храмѣ** (46), **млады(м)** (51), **възвращае(т)са** (68), **временѣ** (78) и др. Если учитывать, что некоторые слова употребляются в тексте несколько раз, то общее число словоупотреблений составит чуть более тридцати.

Таким образом, полногласные и неполногласные формы встречаются в тексте ВК почти поровну. Показательно, что в памятнике слова употребляются в той огласовке и с теми значениями, в которых они сохранились в современном русском языке. Семь корневых морфем используются в полногласных и неполногласных вариантах без каких-либо семантических различий и в схожем контекстном окружении (**голова** – **глава**, **городѣ** – **градѣ**, **молодѣ** – **младѣ** и др.). Аналогичную картину мы имеем и в списке XIII в. Правда, там полногласных форм даже больше. Ср.: **передѣ княземь** и **передѣ людьми** (83, XIII в.). В списке XVI в. предлог в этом случае имеет неполногласную форму.

Такое безразличное использование этих форм говорит, скорее всего, о неустоявшихся языковых нормах, которых придерживались русские книжники того периода, и в то же время об определенном сдвиге в языковых установках, позволивших использовать в одном тексте формы, которые были прежде разведены в функциональном плане. Все это характеризует жанрово-стилистическую специфику церковно-делового текста ВК.

Заметную роль в стилистической характеристике древнерусского текста, созданного в период после падения редуцированных гласных, играют рефлексy напряженных редуцированных. Особенно это касается существительных среднего рода с вариативной финалью **-ик/-ьк**. Считается, что первый вариант финали связан в древнерусском письменном языке с южнославянской орфографической традицией, второй – с восточнославянской⁷. В истории русского литературного языка первый вариант был принадлежностью славяно-книжных текстов, второй использовался в

⁷ *Марков В.М.* Заметки по исторической стилистике русского языка // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Ижевск, 1978. С. 71.

текстах деловых и других, отражающих народно-разговорное начало древнерусского письменного языка.

Интересно в этом случае сопоставить списки ВК XIII и XVI вв. В первом мы имеем, можно сказать, паритет форм на **-ик** и **-ьк** (по три десятка с небольшим тех и других). При этом суффикс **-ник** предпочтительно употреблялся с **и**, суффикс **-тък** – с **ь**. Восточнославянский вариант употреблялся и в корневых морфемах (**пѣаньство**, **пѣю**, **дѣаконъ** и др.). В списке XVI в. абсолютное большинство слов на месте бывших напряженных редуцированных имеет **и** (**ї**), в том числе и имена с суффиксом **-тик**, и бывшим **ь** в корневых морфемах (**пѣаньство**, **пѣю/т/**, **дѣаконъ**). Считаем, что это следствие второго южнославянского влияния. Оно проявилось также в написаниях типа **обьгаденїа** (1), **стоа** (22), **покаанїа** (63) и т.п. вместо **обьгадениа**, **стоа**, **покааниа** (XIII в.).

Тем не менее список ВК XVI в. сохраняет многие «русизмы» списка XIII в. К ним относятся:

1) случаи написания начального **о/ѡ** на месте южнославянского **к** (**ѡпите(м)ю** – 1, **ѡдинѣ** – 2, **оже** – 11, **ѡдиною** – 3, **ѡдино вино** – 14);

2) рефлекс **ч** на месте праславянских ***tj**, ***kti**, ***gti**: **свѣчи**, **свѣчь** (3), **свѣчю** (38), **ночь** (л. 289б), наряду с формами типа **свѣще** (2), **рещи** (32), **нощь** (45); характерно, что в передаче этих рефлексов список XVI века четко следует за списком НК. Особенно широко представлено **ч** в причастиях. Мы не останавливаемся на этом феномене, так как он подробно рассмотрен в упомянутой статье А.А. Гиппиуса⁸;

3) рефлекс **ж** на месте праславянского сочетания ***dj**: **по ноужи** (1), **преже** (72), но **повѣж(д)** (66).

4) начальное восточнославянское **рѡ-** на месте южнославянского **ра-**: **съ многими робами** (69); другой пример – **въ роботѣ** – (на л. 288) отмечен уже за пределами ВК, но в той же рукописи, в вопросах другого церковника. Однако и этот случай показателен для данного жанра. В основном же, в тексте ВК постоянно отмечаются слова в южнославянской огласовке, то есть с начальным **ра-**.

Из других черт живой восточнославянской речи в тексте ВК отметим: 1) случаи оканья: **притчю рѣ(ч) токовоу** (87); в списке XIII в. – **таковоу**; 2) весьма показательную для народных говоров синтаксическую конструкцию **молитва творити**. Она встречается несколько раз в тексте XVI в.: вопросы 2 (л. 275) и 19: **мѣтва**

⁸ Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 50.

твори(т) всакаа. В других случаях это сочетание употребляется с принятым в литературном языке управлением: **творить(с) все(мѣ) мѣтва** (2). В списке XIII в. мы имеем: **молитвоу дагати** (2), но **молитва творити всакаа** (19).

Можно было бы предположить, что мы имеем дело с ошибкой или опiskой в рукописи. Однако тот факт, что сочетание *молитва творити* встречено в двух разновременных списках памятника, не поддерживает это предположение. Остается рассматривать это сочетание как одно из проявлений использования формы на *-а* для выражения прямого объекта (типа диалектных *земля пахать, рыба ловить* и т.п.).

Такие конструкции были известны и древнерусскому языку, особенно его северной диалектной зоне (в том числе и новгородскому говору)⁹. В.М. Марков считает, что перед нами закономерный результат замещения форм, то есть случаи винительного падежа, воспринявшего форму именительного, как это случилось, в частности, в склонении слова *мать* и др.¹⁰ Такое замещение форм мы видим и в случаях «знаменитого» *e* в номинативе *o*-склонения, отмеченных в ВК и рассмотренных А.А. Гиппиусом¹¹. Только в данном случае именительный падеж воспринял форму звательного в процессе активного взаимодействия этих двух падежей в истории русского языка¹².

Особое значение для жанрово-стилистической специфики древнерусского произведения имеет наличие в его языке определенного круга суффиксальных образований имен существительных. Действительно, именно в древнерусской субстантивной суффиксальной системе были четко разграничены славяно-книжные и нейтрально-стилистические форманты. К первым относились суффиксы **-никъ, -тикъ, -тель, -ость, -ство, -ствие**. Остальные форманты (**-ьникъ, -ьць, -ьба, -ота, -ина, -(ан)инъ**, нулевой суффиксальный формант и др.) встречались в разных текстах и относились к нейтрально-стилистическим. Это, однако, не значит, что они не участвовали в стилистической организации текста.

Во-первых, они были основным средством пополнения лексического состава деловых документов и художественных текстов. Во-вторых, они, будучи нейтральными, часто употреблялись и в книжных текстах. И если в этих текстах в производных словах с

⁹ Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. М., 1963. С. 421.

¹⁰ Марков В.М. Замечания о формах на *-а*, служащих выражению прямого объекта // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 163–169, 271.

¹¹ Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 51.

¹² Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 46.

книжными суффиксами стилистическую нагрузку несли суффиксальные форманты, то в производных образованиях с нейтральными (общезыковыми) суффиксами эту нагрузку несли производящие основы.

В тексте ВК обоих списков отмечены следующие суффиксальные словообразовательные типы: имена с суффиксом **-ник** (24 слова), образования нулевой суффиксации (29), имена на **-(ьн)ица** (13), **-ецъ** (8), **-инъ** (8), **-(ьн)икъ** (7), **-ство** (7), **-ина** (7), **-ик** (4), **-окъ** (4), **-тъ** (3), **-тик** (2), **-тва** (2), **-ище** (2), **-ьба** (2), по одному образованию – суффиксы **-тель**, **-ствие**, **-знь**, **-отъ**, **-ва**, **-ота**, **-ость**, **-ло** и некоторые другие. Тринадцатью словами представлены субстантиваты (типа *холостой*, *оглашенные* и т.п.), являющиеся результатом не морфемного, а семантического словопроизводства.

Итак, большинство суффиксальных формантов относится к нейтрально-стилистической сфере. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие слов с суффиксами **-тель**, **-ствие** и **-ость**, которые обычно являются принадлежностью наиболее высоких книжных жанров (служебных миней, других сборников церковных гимнов, богословских сочинений, проповедей и поучений).

Самую большую группу производных слов представляют приглагольные образования нулевой суффиксации. Слова этого типа встречаются в текстах разных жанрово-стилистических характеристик. Их много и в Русской Правде. Но отличаются они характером своих производящих основ. Две трети имен нулевой суффиксации в тексте ВК имеют соотнесенность с бесприставочными глаголами и называют реалии, связанные с христианской религией: **вѣра** (10), **грѣхъ** (4), **крещение** (10), **постъ** (57), **блудъ** (67), **мѹка** (71), **ноѹжа** (1), **гнои** (61), **страхъ** (71) и др.

То же можно сказать и об именах на **-ние**. Большинство из них называет церковные обряды, праздники и другие церковные реалии: **говѣние** (36), **покаяние** (48), **причащение** (1), **свѣщение** (8), **вознесение** (37) и т.п. Другие называют греховные поступки людей: **обыядение** (1), **возгнѣшение** (1), **недомышленье** (71), **сѣвокупление** (72) и др. Два этих самых регулярных типа слов, составляющих один из центров системы производных слов – *nomina actionis*, говорят об удивительной цельности содержания текста.

Эта цельность содержания текста ВК поддерживается также группой производных слов, составляющих другой центр – *nomina agentis*. Значение лица выражается в ВК именами с суффиксами **-ецъ**, **-(ьн)икъ** и **-инъ**. Если последние называли представителей определенных народов (**жидовинъ** – 23, **ѣфешанинъ** – 39, **болгаринъ** –

40, **половчинъ** – 40, **чюдинъ** – 40, **словенинъ** – 40), то первые два суффикса участвовали в оформлении лиц по их положению в церковной иерархии или их характеристике в аспекте христианского мировоззрения: **бѣлецъ** – 25, **чернецъ** – 5, **простецъ** – 4, **постникъ** – 71, **противникъ** – 87, **разбойникъ** – 74, **блудникъ** – 74.

Наконец, цельность языка и содержания ВК выразилась почти в полном отсутствии такого регулярного явления в языке, как словообразовательная синонимия. В ВК синонимичны *причастие* и *причащение* [ср.: **даси емѹ при(ч)стїе** (10) и **дати ли томѹ при(ч)щенїе** (14)], а также *больной* и *болящий* [п. 44: **Коли хотѣче мѣтвѹ творити бо(л)номѹ. пре(ж) глїи. тресѣое. та(ж). стїи бже. пресѣаа тр(о)це. ѡ(ч) нашѹ. гїи помиаи. вї. та(ж) мѣтвы за боаща(г)].**

Показательно для текстовой специфики ВК то, что в нем отсутствуют, так сказать, чистые имена действия и имена действующего лица. Если последние называют обычно лицо по его состоянию в общественной (скорее, церковной) жизни или по его моральному облику (здесь даже *разбойник* не агент, а грешник, лицо по его жизненной склонности, как и *блудник* и т.п.), то имена действия имеют, скорее, событийное значение (церковные обряды и т.п.).

Вообще следует отметить отсутствие отвлеченных понятий и соответственно отвлеченной лексики в языке ВК. Словообразовательные формы, которые несут в своей семантике отвлеченность, или отсутствуют в ВК (имена с суффиксами **-ость**, **-ствие**, **-изна** и др.), или выступают со специализированными (а следовательно, с относительно конкретизированными) значениями. Например, имена с суффиксом **-ство**, выступающие в основном с собирательным значением, называя церковный сан или носителей этого сана: **поповство** – 8, **чистительство** – 83, **подзаконство** – 84.

Субстантиваты среднего рода, которые в книжных текстах являются одним из средств передачи отвлеченных понятий (например, в славянских переводах Ареопагитик, «Богословия» Иоанна Дамаскина и т.п.), в тексте ВК отсутствуют почти полностью. Исключение: **тресвятое** – 56, **погано(е)** – 34. Здесь же субстантиваты выступают или со значением лица (**холостои** – 30, **больнои** – 44, **болящии** – 44, **новокрещении** – 10, **оглашении** – 10, **святои** – 51), или для наименований церковных служб (**заутрениа** – 38, **обѣдниа** – 31, **вечерниа** – 9).

Такое положение вещей в языке ВК соответствует очень точному определению содержательной сути «Вопрошания» одним из

его исследователей С.И. Смирновым – «нравственное мирозерцание духовника»¹³.

Лексические и словообразовательные особенности памятника определяют его тематическую направленность, событийную же сторону его содержания отражают употребляемые в нем глагольные формы. В более высоких жанрах событийность абстрагирована и передается в основном именами со значением отвлеченного действия (мы отмечали выше отсутствие отвлеченной лексики в ВК) – жанр же «Вопрошания» предполагает широкое, наряду с именем, использование глагола, то есть некое глагольно-именное равновесие стиля. И в первую очередь необходимо отметить, что спектр глагольных форм текста включает все временные разновидности, вплоть до редкого плюсквамперфекта, который употребляется здесь как относительная темпоральная форма в своей изначальной функции – указывает на действие, совершенное до определенного момента в прошлом. Ср.: **Иконоу погребли блхѹ с мртѡвце(м). не вѣдающе, стго михаила. и не повелѣ възгребати. кр(с)тианинѣ рече естъ** (п. 55) – то есть Кирик поведал Нифонту об известном ему факте погребения вместе с покойником образа св. Михаила; плюсквамперфект указывает на то, что случай этот имел место до его разговора с владыкой, а Нифонт – после случившегося – не разрешил вскрывать могилу. Или: **Черньца в скимѹ пострига(в) не даи ѣсти скорома до .и. дни. и слыша(в) еп(с)пъ похвали(л) блше. како то горазно створша** (п. 5) – плюсквамперфект употребляется здесь как обозначение действия, предшествующего моменту речи, то есть фиксации ситуации в «Вопрошании»: епископ похвалил Кирика – и тот это после записал. Такое же употребление форм давнопрошедшего времени наблюдается и в частях вопрошаний Саввы и Илии.

Употребление так называемых «относительных» временных форм свидетельствует о том, что речь в памятнике идет не об абстрактных, надуманных монастырским домостиком проблемах (в таком случае было бы достаточно форм абсолютного настоящего-будущего), – Кирик обсуждает с Нифонтом ситуации, с которыми он то и дело сталкивается в своей пастырской практике. При этом он стремится придать своему диалогу с новгородским владыкой максимальную живость, снимающую всякий налет литературной фиктивности, – чего стоит только реакция Нифонта на вопросы, ответ на которые он считал очевидным: **помолче** (20, 90).

С.И. Смирнов писал: «Ответственное положение духовного отца обязывало Кирика интересоваться вопросами канонического порядка

¹³ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 180–227.

и считаться с нравами и бытом общества»¹⁴. Это двуединство содержания текста ВК и отразилось в его языке и определило специфику жанра ВК в жанрово-стилистической системе древнерусской письменности как памятника церковно-делового.

Итак, краткий обзор морфонологических, лексико-словообразовательных и морфологических особенностей памятника позволяет нам сделать вывод о его тексто-жанровых особенностях: во-первых, о его гибридной языковой составляющей; во-вторых, о его тематическом единстве; в-третьих, об отношении его содержания к действительности, что в целом подтверждает нашу мысль, высказанную в начале статьи: «Вопрошание» Кирика можно считать отдельным жанром древнерусской церковно-деловой письменности. Этот памятник как с формальной, так и с содержательной стороны вобрал в себя традицию текстов канонического права, но переработал эту традицию и в формальном, и в содержательном аспектах в соответствии с реальной исторической ситуацией и практическими нуждами.

¹⁴ Там же. С. 188.